

В. П. Безобразов

**Грибовский В. М. Народ и
власть в Византийском
государстве. С.-Пб.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. П. Безобразов**
Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. С.-Пб. / В. П. Безобразов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-4349-6

Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие.
Часть СССХІХ.

ISBN 978-5-4241-4349-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

византійской юридической школы и прочелъ, хотя бы и не самый уставъ, а только краткую рецензію В. Г. Васильевскаго, ему сдѣлалось бы извѣстнымъ, что адвокаты и нотариусы обязаны были изучать Василіки. Такъ было въ XI вѣкѣ, а въ XIII вѣкѣ Вальзамонъ на вопросъ Марка Александрійскаго отвѣчаетъ, что Василіки безусловно обязательны для всѣхъ христіанъ ¹⁾.

„Прежде всего, конечно, говорить г. Грибовскій (стр. 328), царь являлся главой законодательной власти“²⁾, но не подтверждаетъ этого никакими цитатами и не опредѣляетъ ни сферы ни формы этой законодательной власти.

Въ Римѣ считали, что законодательная власть принадлежитъ императору, потому что народъ передалъ ему всѣ свои полномочія ³⁾. Императорскія повелѣнія имѣли силу закона и издавались въ видѣ эдикта, декрета и рескрипта ⁴⁾. Согласно съ этимъ и въ Василікахъ сказано, что повелѣніе царя есть законъ (*quod principi placuit lex est*), будетъ ли это повелѣніе объявлено на словахъ или изложено письменно въ видѣ рескрипта, декрета или эдикта ⁴⁾.

Авторъ говоритъ объ этомъ основномъ принципѣ монархической власти нѣсколько разъ, но не тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ компетенцію монарха, и, повидимому, не понимаетъ его. „Императоры, пишетъ г. Грибовскій (рѣчь идетъ объ императорахъ отъ Константина Великаго до Льва Исавра), продолжали упражнять древне-римскій культъ власти съ тѣмъ различіемъ, однако, что высоко, хотя бы и узко, но римски понимаемый лозунгъ *salus reipublicae suprema lex esto* замѣнился въ эту эпоху въ Византии другимъ болѣе характернымъ кличемъ *quod principi placuit legis habet vigorem* (стр. 81)“⁴⁾. Слѣдовательно авторъ полагаетъ, что приравненіе царскаго повелѣнія къ закону византійское изобрѣтеніе, хотя онъ говоритъ о періодѣ, первая половина котораго во всякомъ случаѣ не можетъ быть названа ви-

¹⁾ *Pl. Соклоузъ*, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, стр. 299.

²⁾ *Inst.* § 6. *Sed et quod principi placuit legis habet vigorem, cum lege regia, quae de eius imperio lata est, populus ei et in eum omne imperium suum et potestatem concessit* (*Мисроулет*, Les institutions politiques des romains, t. I, p. 367).

³⁾ *Constitutio principis est*, говоритъ Гаѣ, *quod imperator decreto vel edicto vel epistula constituit* (*Виллемсъ*, Римское государственное право, стр. 493).

⁴⁾ *Basilic.* I, II, tit. VI, 2. “*Ἐπερ ἀρίσται τῷ βασιλεὶ νόμος ἐστὶν εἴτε δι’ ἐπιστολῆς ἐνοκτοράφου (рескрипта) ἢ διακινώσεων ψηφίσται (декрета) ἢ εἰς ἐπιπέθου διαλαθέας ἢ διὰ λόγματος προαγορεύσει (эдиктъ) καὶ λέγεται ταῦτα διατάξεις (constitutio).*”

зантійскою. Но далѣ говоря о „римской имперолистической (1) философіи и толковавшемъ ея таинства римскомъ юристѣ-практикѣ“; авторъ утверждаетъ, будто они (то-есть, философія и юристъ) подобнымъ тезисомъ (*quod principi placuit, legis vigorem habet*) облекали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть (стр. 296). Слѣдовательно этотъ тезисъ или лозунгъ былъ ключемъ не византійскимъ, а римскимъ. Последнее, конечно, вѣрно, но чтобы въ форму закона былъ облеченъ капризъ монарха, это положительно не вѣрно и могло быть написано только лицомъ, не понимающимъ значенія слова „*placet*“ и мало знакомымъ съ римскимъ правомъ ¹⁾.

Благодаря такому непониманію основныхъ тезисовъ и малому знакомству съ византійскимъ правомъ, г. Грибовскій могъ написать слѣдующее: „Второй параграфъ шестого титула второй книги Василіи дословно переводитъ положеніе: *quod principi placuit legis habebit vigorem*. Не смотря на существованіе такихъ нормъ въ дѣйствовавшемъ законѣ, извѣстно, что примѣненіе въ практикѣ онѣ не получали, въ виду того, что христіанскіе императоры сами признавали ограниченіе своей воли по крайней мѣрѣ въ отношеніи предписаній Евангелія и семи вселенскихъ соборовъ. Что же касается въ частности Василія Македонянина, то онъ самъ въ Эпанагогѣ еще болѣе ограничивалъ себя четвертымъ параграфомъ перваго титула этого сборника“ (стр. 114) ²⁾.

Неужели г. Грибовскій серьезно думаетъ, что въ Византіи не существовало царскихъ повелѣній, имѣвшихъ силу закона? Ему, конечно, извѣстно, что новелла (*уварѣ діѡтаѣс*) соответствуетъ *constitutio principis*, и что новеллы входили въ составъ сводовъ закона, по своему значенію ничѣмъ не отличааясь отъ закона. Какъ юристъ, г. Грибов-

¹⁾ Автора, можетъ, быть ввели въ заблужденіе слѣдующія слова проф. Сергѣевича: „Римскіе императоры языческой эпохи соединяли въ своихъ рукахъ абсолютную власть. Но *lex regia* все, что было угодно и нравилось императору, имѣло силу закона: *Quidquid (?) principi placuit legis habet vigorem*. Положеніе это не было отиѣнено и въ христіанскую эпоху; но съ признаніемъ христіанства государственной религіей, оно потеряло на практикѣ существенное ограниченіе“ (Русск. юридич. древности, т. II, вып. 2, стр. 608). Въ дошедшемъ до насъ текстѣ *lex regia* приведенныхъ словъ нѣтъ.

²⁾ Въ означенномъ параграфѣ говорится, что царь долженъ хранить все то, что заключается въ священномъ писаніи, что было установлено на семи вселенскихъ соборахъ, и то, что опредѣлено римскими законами; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы царь не имѣлъ права издавать повелѣній, равносильныхъ закону.

скій не написалъ бы ничего подобнаго, еслибы онъ въ данномъ случаѣ не повѣрилъ на слово греческому историку Папаригопуло ¹⁾).

„При первыхъ императорахъ, говоритъ проф. Коркуновъ, когда сохранялись еще республиканскія формы, установление совершенно новыхъ юридическихъ нормъ допускалось не иначе, какъ въ формѣ сенатус-консультовъ. Извѣстное правило *quod principi placuit, legis habet vigorem* имѣло лишь то значеніе, что установленное императорскою конституціей правило должно быть примѣняемо и въ другихъ однородныхъ случаяхъ, должно служить для нихъ закономъ, а вовсе не то, чтобы повелѣніемъ императора могло быть установлено то же, что и закономъ или сенатус-консультомъ. Но и въ позднѣйшее время, когда республиканскія формы уже исчезли, между различными формами императорскихъ конституцій все-таки дѣлалось различіе. *Generales constitutiones*, называвшіяся также и *leges*, противопоставлялись рескриптамъ и прагматическимъ санкціямъ. Рескрипты издавались по частнымъ случаямъ. Прагматическія санкціи имѣли общій характеръ, но по значенію своему онѣ не были равны законамъ. Если онѣ въ чемъ прямо противорѣчили общей конституціи, онѣ не имѣли силы“ ²⁾).

Существовало ли что нибудь подобное въ Византіи, была ли разница между указомъ и закономъ? — вотъ вопросъ существенно важный, которымъ, однако, не задавался г. Грибовскій.

Въ Василикахъ сказано, что и по отношенію къ царю должны имѣть силу общіе законы, и противозаконные указы не должны быть исполняемы. Эта статья подробнѣе разъяснена въ такъ называемомъ *Synopsis minor* ³⁾).

Рескриптомъ, говорится въ этомъ сборникѣ, въ общемъ смыслѣ слова законъ называетъ царское повелѣніе (*ἀντιγραφὴν ὡς ἐπὶ τὸ κοινὸν ὁ νόμος τῆν βασιλικὴν ὀνομάζει κρόταξιν*). Рескриптъ въ тѣсномъ смыслѣ слова появляется тогда, когда царь, отвѣчая на письменную реляцію

¹⁾ Cette clause (*quod principi placuit*) était vraie sous l'empire romain, les empereurs d'alors foulaient aux pieds toutes les lois divines et humaines et se faisaient défier de leur vivant, mais elle était loin d'avoir un sens pratique au neuvième siècle. Le législateur des Basilica promulgua lui même l'Epanagogue, qui prescrivait au paragr. 4 (*Paparigopoulo*, Histoire de la civilisation hellénique, p. 244). Г. Грибовскій забылъ сослаться на Папаригопуло.

²⁾ Указъ и законъ, стр. 301.

³⁾ Basil. I. II, tit. VI, g. Καὶ κατὰ βασιλέως οἱ γενικοὶ κρταίτωσαν νόμοι καὶ πᾶσα κρτάνωμος ἐμβαλλέσθω ἀντιγραφῆ.

(вопросъ. къмъ нѣбвиѣ предложенный). постановляетъ свое рѣшеніе

Въ Византіи сохранились римскія формы царскихъ указовъ, и нѣ продолжаютъ отличать византійскіе юристы ¹⁾). Указъ, называвшійся въ Римѣ *constitutio principis*, сталъ называться въ Византіи *διάταξις*, обыкновенно *νεαρά διάταξις* (новымъ постановленіемъ, новеллой), Если присмотрѣться къ новелламъ, напечатаннымъ въ извѣстномъ изданіи Цахарія, легко видѣть, что одни по римской терминологіи эдикты (общія распоряженія, *διάταξις*, новеллы въ тѣсномъ смыслѣ слова) ²⁾, другія—рескрипты (отвѣты на реляціи чиновниковъ), то-есть, рѣшенія (*λύσις*) появившіяся вслѣдствіе *ἀναφορά* (реляціи) чиновниковъ, третьи—декреты, то-есть, приговоры императора по судебнымъ дѣламъ.

Въ новеллахъ нерѣдко указывается, что они появились вслѣдствіе частнаго вопроса такого-то и приобрѣли значеніе общаго закона. Такъ, наприимѣръ, въ одной новеллѣ Константина Дуки говорится: *Ἰστὶον ὅτι ὁ Δούκας ὁ βασιλεὺς λύσιν ἐποίησε πρὸς ἀναγραφὴν ἀντιγραφείσων στρατικῶν... ἢ οὖν τοιαύτη λύσις τοῦ Δούκα κρατεῖ σήμερον ἐν τόκῳ νεαρᾶς διατάξεως καὶ τὸ ἐνεργὸν ἔχει* ³⁾.

Объ императорскомъ судѣ, гдѣ появлялись царскіе указы въ нѣ третьей формѣ (декреты), г. Грибовскій говоритъ очень мало и почти исключительно то, что нашель онъ у Мортреля. Прежде всего онъ сообщаетъ слѣдующее: „За все время бытія имперіи до латинскаго завоеванія источники указываютъ намъ на существованіе высшаго суда императора, противопологаемаго судамъ общаго характера. *Ἐἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας* ἢ *εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον*, говорится, наприимѣръ, въ десятой новеллѣ Мануила Комнина, *ἐν δικαστηρίῳ ἐν τῇ βασιλευούσῃ*“ (стр. 338) ⁴⁾. Что означаютъ послѣднія слова, трудно понять, если не загля-

Synopsis min. B. 41. Βασιλεὺς παρέχον συγχώρησιν τινι πταίσματι τὴν σωματικὴν τιμωρίαν συγχωρεῖ καὶ ἐκ ταύτης ἀπολύει τὸ πταίσαντα. τὴν δὲ ἀτιμίαν τὴν κατὰ φύσιν παρεπόμενην τοῖς δημοσίοις ἐγγλήμασι περικίπτοντας ἄτιμοι μένιν παρὰ τοῦ νόμου καταδικάζονται, κἂν βασιλεὺς αὐτοῖς συχωρῇ.

¹⁾ *Synopsis minor B. 52. Ὁ βασιλεὺς δὲ τριῶν τρόπων νομοθετεῖ, δι' ἀντιγραφῆς, περὶ ἧς ὀπισθεν σαφέστερον εἶπομεν, ἐν δεκρέτῳ, καὶ ἐν ἐδίκτῳ.*

²⁾ Тамъ же. Τὸ δὲ ἐν ἐδίκτῳ λέγεται, ὅταν οἴκοθεν ὁ βασιλεὺς συνιδῶν τι τοῖς ὑπηκόοις ὠφελίμων προστάῃ αὐτό. ἢ γὰρ ἐξ ἑαυτοῦ εἰς περιποίησιν καὶ ὠφελίαν τοῦ οἴκειου λαοῦ ἐξαγομένη παρὰ τοῦ βασιλέως διάταξις ἐδικτον ὀνομάζεται.

³⁾ *Coll. IV, nov. 8. Coll. III, nov. 22. Ἀνήγαγεν ὁ πρωτοσπαθάριος Βασίλειος, ὁ ἐκὶ τῶν δεήσεων, ὅτι τόπους ἀναλαμβάνομένους ἀναργύρως ἀποδίδωσι τοῖς στρατιώταις. См. еще Coll. III, nov. 15. Coll. IV, nov. 34.*

⁴⁾ Въ новеллѣ Мануила Комнина (*Coll. IV, nov. 66, cap. 4*) говорится: *Ἀλλὰ καὶ τὰς ἐκλήτους τὰς ἐν δικαστηρίῳ γινομένας ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν πολέων καὶ τὰς περὶ αὐτῆς ἐναυτῶν κλεισθαι... εἰ δὲ καὶ ἐν ἑτέρῳ τινι ἐπαρχίᾳ κατάδικασθῆ καὶ εἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας μου ἐκκαλέσθαι ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον.*

нуть въ книгу Мортреля; это нечто иное, какъ ошибка французскаго ученаго середины XIX вѣка, которую счелъ нужнымъ повторить русскій ученый конца вѣка. Мортрелю показалось, что *δικαστήριον ἐν τῇ βασιλευσούσῃ* (судъ въ царствующемъ градѣ, то-есть, столицѣ) значить императорскій судъ, и г. Грибовскій, слѣпо вѣряющій авторитетамъ, не замѣтилъ грубой ошибки. Далѣе авторъ повторяетъ то, что онъ нашелъ у Мортреля, хотя лучше было бы перевести соотвѣтствующія страницы изъ известнаго сочиненія Цахаріэ (*Griechisch-römische Recht*); а еслибы онъ воспользовался всѣми указаніями послѣдняго, онъ написалъ бы нѣчто дѣльное и новое.

Г. Грибовскій не старался опредѣлять компетенцію и составъ императорскаго суда, онъ не пожелалъ привести ни одного примѣра изъ практики этого суда. Изъ известной книги проф. Скабалановича онъ извлекаетъ слѣдующее свѣдѣніе: „общему суду императора и его совѣта въ первой инстанціи подлежали дѣла особой исключительной важности, напримѣръ, преступленія высшихъ должностныхъ лицъ“ (стр. 340). „Поэтому, продолжаетъ авторъ, въ верховномъ императорскомъ судѣ разсматривались дѣла о заговорахъ при Константінѣ Мономахѣ; Романъ Диогенъ за свой преступный замыселъ былъ судимъ первѣйшими членами синклита“. „Поэтому“ поставлено очень некстати и затуманиваетъ дѣло. Дѣйствительно въ византійскихъ законахъ сказано, что высшихъ должностныхъ лицъ имѣетъ право судить одинъ только царь, а другой судья лишь въ томъ случаѣ, если царь сдѣлаетъ такое специальное распоряженіе ¹⁾. Поэтому Романа Диогена, какъ сановника, могъ судить только императорскій судъ. Если же всякіе заговоры противъ монарха, кѣмъ бы они ни были учинены, разсматривались въ царскомъ судѣ, это уже второй пунктъ его компетенціи.

Что императорскій судъ есть высшая апелляціонная инстанція, это также вполне опредѣленно сказано въ законѣ и должно было быть приведено юристомъ ²⁾.

¹⁾ Synops. min. A, 132 (изъ Syn. A, 37). Οἱ μέγιστοι ἀξιωματικοί, εἰ καὶ πολιτικῶν τῶν ἀξίων διαπέσωσι, παρὰ μόνῃ τῷ βασιλεὶ ἐνάγονται ἤθουν κατηγορούμενοι κρίνονται, παρὰ δὲ ἄλλῃ δικαστῇ οὐκ ἐνάγονται, εἰ μὴ πλάσις βασιλεὺς κελεύσει.

²⁾ Synops. min. A, 61 (изъ Epanag. XI, 9). Τὰ ἀρχοντικὰ κριτήρια ἐκκλήτῃ ὑπόκειται καὶ ἀναψηλαφᾶται οὐ μόνον παρὰ τοῦ βασιλέως, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐπάρχου καὶ τοῦ κοινῶστωρος. Epanagog. tit. XI, 7. Ἡ τοῦ ἐπάρχου ψήφος ἐκκλήτῃ οὐχ ὑπόκειται πλὴν ὑπὸ μόνου τοῦ βασιλέως, Epanag. tit. XI, 5. Τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν κριτήριον ἐκκλήτῃ οὐχ ὑπόκειται, οὐδὲ ἀναψηλαφᾶται ὑπὸ ἑτέρου, ἀλλ' ὑφ' ἑαυτοῦ αἰεὶ ἐπαχρῖνεται. Замѣчательно, что, Грибовскій приводитъ только тѣ параграфы, которые онъ нашелъ въ статьѣ проф. Сокольскаго.

Г. Грибовскій повторяетъ за Мортрелемъ, что „юрисдикція верховнаго императорскаго суда выражалась въ тройкой формѣ, реляціи, аппеляціи и суппликаціи“ (стр. 338) ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, вѣрно, и авторъ могъ бы прибавить, что въ Византіи сохранились римскія формы судопроизводства, что и въ Римѣ верховный судъ точно также разбиралъ дѣла на основаніи аппеляціи, реляціи и суппликаціи.

„Реляція, пишетъ г. Грибовскій, состояла въ томъ, что судья, затруднявшійся рѣшеніемъ какого либо вопроса права, обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія къ государю, какъ источнику закона“. „Таковой порядокъ, прибавляетъ авторъ уже отъ себя (у Мортреля этого соображенія нѣтъ), основывался, очевидно, на слѣдующихъ текстахъ Кодекса: *inter aequitatem jusque interpositam interpretationem nobis solis et oportet et licet inspicere, et si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solo dignum imperio esse oportet* (I, 14, 1, 12). Автору слѣдовало бы прибавить, что тотъ же законъ имѣется и въ Василікахъ ²⁾.

„Простой судья, продолжаетъ г. Грибовскій налагать Мортреля, въ данномъ мѣстѣ на него не ссылаясь, но чаще друнгарій бгглы изготавлялъ докладъ съ изложеніемъ вопроса доводами за и противъ, а императоръ присоединялся къ той или другой редакціи, и въ такомъ видѣ рескриптъ его получалъ силу законодательнаго толкованія“ (стр. 339) ³⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ много неясностей. Изъ книги г. Грибовскаго мы не узнаемъ, изъ кого состоялъ императорскій трибуналъ, и читатель въ правѣ спросить автора, почему же докладъ изготавлялъ начальникъ императорской стражи (друнгарій бгглы), а если онъ былъ членомъ суда, чѣмъ отлучался онъ отъ простаго судьи, и что это за страшный обычай излагать вмѣсто своего мнѣнія доводы за и противъ чего-то. Наконецъ позволительно спросить, что значить „излагать вопросъ доводами за и противъ“, и можно ли пере-

¹⁾ *Mortreuil*, III, 84. Cette juridiction se manifeste sous une triple forme: *ἀπόμνησις, ἐκκλησις, ὀριστής*.

²⁾ *Basili* I. II, tit. VI, 6. *ὅταν ἕτερον τι τὸ νόμιμον βούληται, ἕτερον δὲ τὸ δικαίον, μόνο; βασιλεὺς δύναιται τὴν περὶ τούτου τέμνειν ζήτησιν, ἐπειδὴ αὐτῷ πρέπει τὰ τοιαῦτα τέμνειν*. Въ статьѣ Эпанарогги, приведенной г. Грибовскимъ, говорится о случаѣ, когда нѣтъ прямого закона.

³⁾ *Le juge ordinaire, mais plus souvent le grand drungaire de la veille (δρουγγάριος τῆς βύλης) faisait à l'empereur un exposé des faits et un résumé des motifs de droit pour et contre; l'empereur rendait son rescrit qui avait force de loi interpretative*. *Mortreuil*, III, 85.

водить такъ слова Мортреля: un résumé des motifs de droit pour et contre.

Жаль, что Мортрель говорить объ императорскомъ судѣ неточно и неполно. Поэтому и г. Грибовскій, повидимому, не знаетъ, что приговоры царскаго суда, имѣвшіе общее значеніе, получали силу закона. Это прямо сказано въ римскихъ и византійскихъ законахъ. Приговоръ императорскаго суда, получившій силу закона, назывался декретомъ, это и есть третья форма царскихъ указовъ, о которыхъ я говорилъ выше ¹⁾).

Съ реляціей къ царю обращались въ трехъ случаяхъ, когда со-всѣмъ не было закона, предусматривавшаго данный случай, когда законъ былъ недостаточно ясенъ, когда судья находилъ законъ слишкомъ суровымъ и не рѣшался примѣнить его.

Въ источникахъ г. Грибовскій могъ бы найти примѣры реляцій и приговоровъ. Протопродръ и друнгарій виглы Константинъ въ качествѣ предсѣдателя суда обратился къ царю Михаилу Дукѣ за разъясненіемъ одного частнаго вопроса судопроизводства (касавшагося присяги свидѣтелей), не предусмотрѣннаго закономъ ²⁾).

Друнгарій виглы, извѣстный историкъ Скилицъ, сообщилъ царю Алексѣю Комнину, что вслѣдствіе неопредѣленности закона произошло разногласіе между членами суда на ипподромѣ, и что царь долженъ отвѣтить, чье мнѣніе вѣрнѣе, и издать соотвѣтствующій указъ, который будетъ имѣть силу закона ³⁾).

¹⁾ Cod. Just. l. I, tit. XIV, 12. Si imperialis maiestas causam cognitionaliter examinaverit et partibus cominus constitutis sententiam dixerit, omnes omnino iudices, qui sub nostro imperio sunt, sciant hoc esse legem non solum illi causae, pro qua producta est, sed et omnibus similibus.

Synops. min. B. 52. 'Ἐστὶ δὲ ἐν δεκρέτῳ νομοθεσία, ὅταν τῶν δύο μερῶν τῶν ἀντικρινόμενων ἀκούσας ὁ βασιλεὺς δικάζῃ καὶ ἀποφαίνῃται· καὶ τοῦτο κρατῆσαι μὲν καὶ ἐπ' ἐκείνοις τοῖς κατὰ τοῦ βασιλέως κριθεῖσι, κρατῆσαι δὲ καὶ ἐπὶ ταῖς ἄλλαις ταῖς ὁμοίαις αὐτῇ ὑποθέσεσιν. αἱ γὰρ βασιλικαὶ ἀποφάσεις καὶ εἰς τὰς ὁμοίας ὑποθέσεις τῇ κατὰ τοῦ βασιλέως κριθείσῃ στέργονται, εἰ μὴ πολλαῖς ῥητῶς δηλωθῇ τι, ἧγουν εἰ τοῦτο ἐπὶ ταύτης μόνῃς ἔστω τῆς ὑποθέσεως, ἐπὶ δὲ τῶν ἄλλων μὴ ἰσχυεῖται.

²⁾ Coll. IV, nov. 6 ἀμφβολία τῷ δικαστηρίῳ ἐπέπεσε διὰ τὸ μὴ εὐρίσκεισθαι νόμον... τῇ κραταίᾳ καὶ ἀγίᾳ βασιλείᾳ σου ἀναφέρω ἴν' αὕτη ὡς ἀπὸ τῶν νόμων ἔχουσα τὴν ἐξουσίαν τὰ διαμφιβαλλόμενα τοῖς δικασταῖς τέμνειν ἕκαστ' εὐδοκᾷ διορίσῃται καὶ ἀντὶ νόμου ἀπὸ γε τοῦ νόου ἢ πρόσταξις αὐτῇ κρατῇ.

³⁾ Coll. IV, nov. 81 οὕτω δὲ καὶ τοῦ δικαστηρίου σχισθέντος ἀναφέρω τῇ ἀγίᾳ βασιλείᾳ σου ὁ ἀνάξιτος δοῦλος αὐτῆς, ἐρωτῶν ὁποτέρᾳ δεῖ τῶν γνώμων προτεθῆναι. φαίνεται γὰρ ἐκάτερον μέρος εὐλογοφανῆ προτεινόμενον καὶ ἐρμηνείαν λαβεῖν ἐξαιτῶ διὰ προσκυνητῆς ἀντιγραφῆς σαφῶς καὶ καθαρῶς λουούσης τὸ ἀμφισβήτημα, νόμου γὰρ τάξιν ἐπέχειν μέλλει εἰς τὸ μετέπειτα.

Однажды по приказанію куратора св. Софін (κουράτωρ τῆς ἁγίας Σοφίας) его два раба нанали на стратіота, занимавшаго церковный домъ. Стратіотъ ударилъ одного раба, тогда они заставили его уйти изъ дома и, когда тотъ бѣжалъ, стали преслѣдовать его. Кураторъ, слѣдуя за рабами, закричалъ: пусть стратіотъ умретъ (ἄς ἀποθάνῃ). Рабы закололи его. Вдова убитаго получила нѣкоторое матеріальное вознагражденіе: ей былъ отданъ одинъ рабъ, а другой былъ проданъ, и полученныя за него деньги отданы ей же. Но слѣдовало наказать и куратора. За подстрекательство къ убійству, какъ и за самое убійство, полагалась смертная казнь. Извѣстный судья, магистръ Евстацій, находилъ, что это слишкомъ суровое наказаніе, и не постановилъ приговора, а, заключивъ подсудимаго подъ стражу, спросилъ царскаго мнѣнія. Царь постановилъ отдать куратора на работы въ рудники ¹⁾.

Новеллы очень часто издавались потому, что судьи обращались къ царю за разъясненіями, и въ нѣкоторыхъ новеллахъ цѣлкомъ приводились соотвѣтствующіе доклады и затѣмъ постановленіе (λόγος) царя ²⁾.

Объ апелляціи г. Грибовскій говоритъ слѣдующее: „Какъ мы указали выше, Юстиніанъ для апелляціи установилъ опредѣленный порядокъ пересмотра дѣла по существу черезъ посредство особо уполномоченныхъ къ тому лицъ; апелляція къ императору разрѣшалась только въ исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, *согласно* Василикамъ, обжалованіе рѣшеній судовъ въ первой инстанціи императору допускалось въ качествѣ общаго правила; обремененіе особы императора устранилось тѣмъ способомъ, что царь лично не входилъ въ разсмотрѣніе дѣла, уполномочивая къ тому разныхъ должностныхъ лицъ“ (стр. 339).

Авторъ не дѣлаетъ никакихъ цитатъ, но все здѣсь сказанное можно прочесть у Мортреля, при чемъ, однако, является маленькое

¹⁾ Pira LXVI, 27. Ὁ μέντοι κουράτωρ κατεδικάσθη καὶ ἀπὸ μόνοι τοῦ ἐγκλεισθεῖσαι. Καὶ ὁ μάγιστρος κεφαλικῶς μὲν τοῦτον τιμωρηθῆναι οὐκ εὐδόκησεν, ἀλλ' ὑπομνήσας τὸν βασιλέα εἶχε τοῦτον ἐν φυλακῇ καὶ ὁ βασιλεὺς ἀπεφάνητο εἰς μέταλλον τοῦτον πέμψῆναι.

²⁾ Coll. IV, nov. 18 Никифора Фоки νεαρά ἐν λόγοι ἀναφορᾶς περὶ ἀρμενίων καὶ τῶν ἐγκλήματι φόνοι περιπιπτόντων.

Coll. IV, nov. 6 (1075 г.) Μηνὶ ὀκτωβρ. 17 ἰνδ, 17 κατεστρώθη ὑπομνηστικὸν βεβουλωμένον καὶ ὑπογεγραμμένον τοῦ πρωτοπροέδρου κυροῦ Κωνσταντίνου καὶ δρουγγαρίου τῆς βίβλου πρὸς τὸν βασιλέα Μιχαὴλ τὸν Δούχα περιέχει οὕτως: Τολμῶν ὁ ἀνάξιος καὶ πανευτίλης δοῦλος τῆς κραταιᾶς καὶ ἁγίας βασιλείας σου ὑπομνήσκη.

Coll. IV, nov. 26, nov. 31, nov. 38.